

Лит. 292, 1985, 18 сент., № 38

ОКтябрь

И. ГРЕКОВА:

РАСТРАТА

существенную нагрузку. Ибо авторская позиция складывается не только из отношения к главному герою, но и из их присутствия в повести. Хотелось бы услышать ваше объяснение и по этому поводу.

определяющей. В повести «Фазан» она вышла на первое место.

— Работа над «Фазаном» завершена. Можно ли узнать, чем вы заняты сейчас — и как писатель, и как научный работник!

— Ваш вопрос сформулирован так распространено, что как бы предвосхищает ответ. Приведенная вами цитата с полной (может быть, даже излишней) определенностью выражает позицию по отношению к «герою». Но нельзя забывать, что это его собственная внутренняя речь, беспощадная к самому себе. Авторская позиция несколько сложнее: наряду с осуждением она включает и живую жалость.

Относительно побочных персонажей, отмеченных положительными чертами, вы совершенно правы. Это — не герои, просто честные, добросовестные люди, серьезно относящиеся к своему труду. Их роль в повести исключительно велика. Недаром память Федора Филатова все время возвращается к ним; не случайно именно о них твердит ему ненавистный кран.

— Может быть, я не права, но мне почудилось, что повесть «Фазан» писалась долго, исподволь нахлывалась в вас, что, возможно, она сидела в вас и тогда, когда вы работали над другими своими повестями и рассказами. Мне почудилось, что у нее длинная история...

— У замысла повести действительно долгая история. Мысль о преступности, безнравственности расточительства преследует меня давно; затрагивалась она в ряде моих произведений, от повести «На испытаниях» (1967) до романа «Пороги» (1984). Но нигде она не была главной,

— Время от времени я пишу (и иногда публикую) статьи на литературные, научные и другие темы. Охотно принимаю участие в газетных спорах по ряду проблем. Особенно мне близка проблема высшего образования в нашей стране (это легко понять, учитывая, что у меня 52 года стажа педагогической работы в высших технических учебных заведениях). Ряд соображений по поводу недостатков нашей системы высшего образования и путей их преодоления у меня есть, и я не раз выступала с ними на страницах периодической печати. Твердо надеюсь, что вслед за проводимой на наших глазах реформой средней школы последует и соответствующая реформа высшей. Проблемы, связанные с нею, неизбежно будут обсуждаться в печати; тут уж я в стороне не останусь.

О своих планах в области чисто литературной работы я не буду распространяться. Мне кажется (сужу по опыту), что однажды сформулированный замысел как бы выцветает, перестает быть привлекательным. Поэтому ничего не скажу о сюжете своей новой повести, над которой я бьюсь уже второй год — никак не могу найти верную интонацию. Вообще, с течением времени писать мне становится не легче, а труднее, и это объясняется, думаю, не только возрастом. С годами ужесточается система требований к себе и растет недовольство уже сделанным.

вести «Фазан» все дается в преломлении и восприятии одного-единственного человека. Принципиально новой для меня является не личность центрального персонажа, а ситуация, в которую он поставлен судьбой. Вся повесть — не что иное, как попытка войти в психологию человека, оказавшегося в такой ситуации.

— А какова, пользуясь выражением Л. Толстого, «любимая мысль» этого произведения! В прошлой нашей беседе [ЛГ, № 3, 1983] на вопрос о главной моральной проблеме вашего творчества вы ответили: «Если выразить кратко главную моральную проблему, то скорее всего это — «справедливость». В повести «Фазан» вас больше волновала, видимо, другая проблема — проблема совести, вечная тема нашей отечественной литературы. Герои ваших книг, по сути, всегда на испытаниях человеческого в человеке, в этом случае — на испытаниях совестью. «Чего же ты хочешь от меня, совесть!». Опять и опять вопрос: виноват или нет в ее смерти! Формально — нет, а по существу — да», — мучается Федор Филатович.

— Задавая вопрос о «любимой мысли» моего произведения, вы назвали «проблему совести — вечную тему нашей отечественной литературы». Да, вы правы — эта проблема наряду с другими в повести присутствует. Но если уж говорить о центральной мысли именно этого произведения, то это будет протест против бессмысленно

го, праздного расточительства, против перевода ценностей — духовных и материальных — в мусор, дряжь, отходы. Центральный персонаж — не заядлый злодей какой-нибудь, не преступник. Он повинен в том, что расточил, промотал свою жизнь, разменял ее на пустяки: легкие связи, выпивку, баракло. Богато одаренный от природы, он избегал труда и трудностей, не развил, а оплошил свои дары. Эта тема перекликается с мотивом бессмысленной гибели, уничтожения материальных ценностей (недаром так навязчиво звучит в повести голос протекающего крана, зря льющего драгоценную воду).

— В таких, например, строках: «Ангел-флюгер» — это же он сам! Как-то будто полет — и в то же время жесткая подчиненность. Вся жизнь повораживалась по ветру — как проще, как удобнее...», как, впрочем, и во многих других, весьма определенно выражено авторское отношение к своему герою. В противовес ему есть в повести люди, олицетворяющие другое начало, люди, на которых держится жизнь, белый свет — отец, мать, сестра Варя, Лиза — «сама чистота», любовь юности, это она говорит: «Фазан, Фазан, глупая ты птица...» Люди, прожизненные тоже очень сложную, тяжелую, во многом трагическую жизнь, но не сложенные обстоятельствами и, что очень важно, не прячущиеся за обстоятельства. Как мне думается, в авторском замысле они несут

...ТАК ЕГО все и звали — Фазаном. Прозвище ему шло. Красивый, талантливый. В детстве сочинял музыку, потом обнаружился еще один дар — хорошо рисовал, лепил, ко всему — прекрасная память, склонность к языкам... И все это потихоньку-полегоньку он терял на дороге жизни, терял не только природой данное ему богатство — если бы только его! — но исчезали мало-помалу и иного рода свойства — надежность, порядочность, совесть... Он не спохватывался, не задумывался ни над своей судьбой, ни тем более над печалью и тревогой близких. Наоборот, всю жизнь только и делал, что избавлял себя от дум и забот. И вдруг тяжелая болезнь, неподвижность, немоща, и тут-то пришли вопросы и самому себе, терзания прошлым, воспоминания. Совесть заговорила тогда, когда он говорил уже не мог.

В такой ситуации мы застаем героя новой повести И. Грековой «Фазан», которая печатается в 9-м номере журнала «Октябрь». Сегодня автор отвечает на вопросы корреспондента «ЛГ» Ирины Ришиной.

— У вашего героя есть, возможно, конкретный жизненный прототип, а может быть, он — образ собирательный. В данном случае это не столь важно. Меня заинтересовал не прототип, его наличие или отсутствие, а образ сам по себе. Мне показалось, что главное действующее лицо новой повести — принципиально новый для вас герой. Так ли это!

— И так и не так. Нова для меня вся конструкция повести, нова задача, которую я себе поставила, задача очень трудная. В большинстве моих произведений нет «главного действующего лица»; в по-